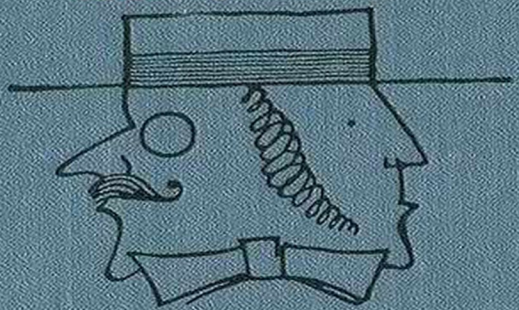
БРЕТ ГАРТ

Наследник Мак-Гулишей

Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
НАСЛЕДНИК МАК-ГУЛИШЕЙ
I
II
III

Аннотация

Странные люди эти американцы: только они способны пускаться во всякие авантюры просто ради спортивного интереса, они готовы потерять всё, не моргнув и глазом, чтобы наверстать упущенное немного погодя…

Брет Гарт

НАСЛЕДНИК МАК-ГУЛИШЕЙ[1]

[1] Примечания: 1

В лице американского консула в Сент-Кентигерне (Глазго) Брет Гарт выводит самого себя; с большим юмором он рисует доставлявшую ему частые беспокойства в годы консульской службы манию американцев добиваться якобы принадлежащих им английских титулов и поместий.

I

Американский консул в портовом городе Сент-Кентигерне сумерничал один в застоявшемся полумраке своего кабинета, а между тем на часах, подобно бледной луне смотревших с темной стены, был всего только полдень, вполне обычный для здешних зим полдень. Кабинет, насколько позволял разглядеть скудный свет, Насилу пробивавшийся сквозь завешенное туманом окно, имел сугубо деловой и будничный вид. На полке повитые туманом стояли томики «Морского права», на стене висели две олеографии, запечатлевшие два океанских парохода в неимоверно укороченном ракурсе; выставив вперед нос, они на всех парах неслись прямо на смотрящего, с явным намерением выломиться из стены. Были тут гравюры — портреты Линкольна и Вашингтона, призрачные и бесплотные, под стать самим покойникам. Перед окном, которое приходилось почти вровень с мостовой, то и дело рождались из тумана и тотчас растворялись в нем темные силуэты женщин и мужчин с молитвенниками в руках и выражением глубокого уныния на лицах. Глядя на них, консул вдруг поймал себя на мыс-

ли, что ведь и он грешен: день был воскресный и, стало быть, ему никак не подобает сидеть в присутствии.

Не успел он по-настоящему устыдиться, как в недрах консульской резиденции прозвенел звонок, а с подъезда послышалось шарканье. Должно быть, огонь топившегося камина просматривался с улицы и послужил маяком для какого-нибудь подгулявшего бродяги — матроса с американскими документами в кармане. Консул с добродетельно-строгим выражением на лице вышел в прихожую. Одно дело — просто так, без цели, замешкаться у себя в приемной в воскресный день, а другое — сознательно явиться сюда по делу, пренебрегая божьим праздником.

Он отпер входную дверь, и в прихожую тотчас ввалился человек средних лет, увлекая за собой и отчасти даже подпихивая другого, помоложе и посмирнее. Ни тот, ни другой не походил на матроса, хотя одеты были оба с той нудной, далеко не модной респектабельностью, к какой питают пристрастие младшие помощники капитанов, когда сходят на берег. Прямо с порога посетители направились в кабинет, и тут только старший проронил мимоходом:

— Американского консула нам надо, ведь это

— консульство?

— Да, это — консульство, — сухо ответил чиновник, — а я консул. Но позвольте…

— Вот и порядок, — на ходу прервал его незнакомец, открыл дверь в кабинет и протолкнул в нее своего товарища. — Садись! — сказал он робеющему молодому человеку и указал на стул, не обращая на консула ни малейшего внимания. — Теперь мы вроде как в Америке, под американским флагом и, стало быть, что хотим, то и творим.

Однако, оглянувшись вокруг, он как будто несколько разочаровался: возможно, он ожидал встретить тут другую обстановку, а быть может, и совсем иной климат.

— Надо полагать, — учтиво заговорил консул, — вы пожелали видеть меня по какому-нибудь важному и неотложному делу. Ведь вам, должно быть, известно, что по воскресеньям консульство закрыто. Я и сам здесь сегодня совершенно случайно.

— Так вы не здесь живете? — с оттенком неудовольствия в голосе спросил посетитель.

— Нет.

— А!.. Вот почему, стало быть, мы и флага не видали вчера. Ведь мы вчера все тут облазили. Нас

послали сюда, но я говорю Малькольму: нет, — говорю, — это не тут, а то бы мы перво — наперво увидали звездно-полосатый. Ну так, стало быть, флаг-то вы держите там, где живете?

Консул, улыбаясь, объяснил, что и над своей квартирой он не вывешивает флага и что, кроме как в дни национальных праздников, вывешивать государственный флаг на консульстве не принято.

— Так, стало быть, хоть вы и консул, вам все равно не дозволено тут даже того, что может любой чернорылый у нас в Штатах? Вот они какие тут порядки. Не думал я, что ты с этим так скоро примиришься, Джек.

При звуке своего имени консул резко повернулся и пристально всмотрелся в лицо посетителя. Минута безмолвного созерцания — и он вдруг вспомнил. Туман на улице и в кабинете словно рассеялся. Он снова стоял с этим человеком на горном склоне, там, на Дальнем Западе. На сотню миль окрест разлит искристый солнечный свет, воздух сух и прозрачен, небо лазурной чашей опрокинулось на треть материка, где шесть месяцев в году стоит лето… Туман снова сомкнулся, как будто даже еще более густой и тяжелый, но уже какой-то нереальный, как и все вокруг. Кон-

сул порывисто протянул посетителю руку.

— Так это ты, Гарри Кастер! — рассмеялся он и, вздохнув, добавил: — Не узнал я тебя, так у меня темно.

После этого он с любопытством обернулся к робкому молодому человеку: не окажется ли и тот каким-нибудь давним его знакомым?

— Я-то тебя сразу признал, — сказал Кастер, — хоть мы и не видались с тех самых пор, как ты уехал из Стана Скотта. Лет десять тому уже будет… А, ты его рассматриваешь! — продолжал он, проследив за взглядом консула. — Из-за него-то я и явился к тебе. Этот вот человек — Мак-Гулиш, самый настоящий Мак-Гулиш!

Он примолк, как бы желая удостовериться, что его слова произвели желаемое впечатление. Но консулу это имя явно ничего не говорило, и он продолжал пристально рассматривать молодого человека, ожидая дальнейших разъяснений.

Мак-Гулиш был юноша лет двадцати, со светлыми красновато — карими глазами, темными, рыжеватыми у корней волосами и бело — розовым, как из воска, овальным лицом; характерная особенность этого лица состояла в том, что нижняя челюсть резко сужалась от самых скул и заканчивалась скошенным подбородком.

— Да, — продолжал Кастер, — и притом единственный настоящий Мак-Гулиш. Прямой наследник, королевских кровей! Из тех самых Мак-Гулишей, которые в эти, как их… исторические времена как бросят клич, так к ним народ валом валит и дым коромыслом. Заводные ребята были эти Мак-Гулиши. И никаких тебе речей, никаких оркестров, как у нас на выборах! Его молодцы не жалели для главы клана последнего доллара, последнего патрона… то бишь, патронов-то у них в те времена, пожалуй, не водилось… Во как жили настоящие Мак-Гулиши! Ну, а Малькольм — последний из ихней породы, и лицом весь в них вышел.

Слушая весь этот вздор, консул, однако, не мог отделаться от смутного впечатления, что лицо молодого человека ему как будто знакомо, что он действительно его видел, и не раз, на многочисленных картинах исторического жанра. То было лицо самодовольного, бездарного и малодушного фата, из-за которого гибло множество сильных, даровитых и благородных натур, добровольно связавших с ним свою судьбу и разделивших его бессмысленную участь; лицо слабого человека, за которого жертвовали собою мужество и красота, обрекая его произволу прочие добродетели

поменьше.

Посмеиваясь в душе над тем, как плохо все это вяжется с унылым шествием благочестивых шотландцев за окном и повитыми туманом томиками «Морского права» на полках, консул заставил себя любезно улыбнуться.

— Надеюсь, наш молодой друг не намерен испытать волшебное действие своего имени здесь, в нашу измельчавшую эпоху?

— Пожалуй, что нет, — самодовольно отозвался Кастер. — А впрочем, дружище, между нами сказать, мало ли чего бывает в этих самых ваших монархиях! У нас за океаном, там, конечно, другое дело. Но на первых порах Малькольм согласен удовольствоваться титулом и поместьем, которым он законный наследник.

Лицо консула вытянулось. Увы! Все та же старая-престарая история. Ее бесконечные повторения и вариации были известны ему чуть ли не с детства еще там, на родине. «Ежели б этот вот парень добился своих прав, — случалось, говорили ему в поселке старателей на Дальнем Западе, — он сидел бы нынче в пурпурной мантии по правую руку от английской королевы!» А всего- то и было, что джентльмен, к которому относилась эта достойная Апокалипсиса характе-

ристика, обладал удивительным сходством с членами царствующего ганноверского дома, каковое обстоятельство он переносил с замечательной выдержкой и терпением. Но действительно в тягость все это стало консулу лишь после того, как он занял свой консульский пост. Порою ему казалось, что добрая половина имений и титулов английской знати по праву наследования должна принадлежать разным оборванцам из Америки, которые почему-то медлят заявлять свои законные права; выходило так, будто английские дворяне, вступая во владение своими поместьями и титулами, первым делом старались спровадить в Америку всех ближайших родственников и забыть об их существовании. Ему без конца приходилось принимать американцев, заявлявших претензии на высшие аристократические звания и привилегии; люди излагали свои притязания кто с изощренной убедительностью, кто с трогательной простотой, а отстаивали с величайшей незлобивостью и с таким же добродушием оставляли. Как правило, кончалось все тем, что консул ссужал соотечественнику несколько долларов и законный наследователь миллионов, купив билет четвертого класса, отплывал обратно в свое демократическое изгнание. Встречались и

другие, менее простодушные и более настырные претенденты. Эти довольствовались письмом от консула в Геральдическую палату в Лондоне и потом, уплатив надлежащие пошлины и налоги, возвращались к себе в Нью-Йорк или Бостон с грузом какой-нибудь невостребованной рухляди, которую их предок, человек широкой натуры, забыл взять с собой в новую жизнь либо попросту бросил, спеша сделать их гражданами новой республики. Все это консулу уже давно надоело и в зубах навязло, уж, кажется, кто-кто, а старый приятель мог бы не соваться к нему опять с этой дребеденью.

— Надо полагать, вы уже советовались с юристами у себя на родине, — тяжко вздохнув, сказал консул, — да и здесь, сами понимаете, не мешало бы прежде всего посоветоваться с людьми, которые разбираются в шотландском наследственном праве. Да уж вы, наверное, все это проделали!

— Никак нет, — бодро заявил Кастер. — Ведь я с Малькольмом и двух месяцев не знаком. Совсем случайно откопал его на ихней ферме под Мак-Корклевиллем в Кентукки, он и его предки живут там уж чуть ли не сто лет. Да, целых сто лет, шутка сказать! С того самого дня, как переселились в Америку. Мне обо всем рассказали, а еще я

видел у них старинную Библию, большая такая, еле дышит, совсем вот, как эта, — он приподнял потрепанную консульскую Библию, — а в ней даты. Узнал всю их историю — и вот мы здесь.

— И даже не посоветовались с юристом? — ужаснулся консул.

— Настоящий Мак-Гулиш, — неожиданно раздался тонкий, почти женский голос, — никогда не имел дела с законами! На скалистых вершинах Глен-Крэнки водружал он знамя своих предков или с зубчатых стен замка Крэгидуррах бросал боевой клич: «Гулиш ду, эйрой!» И весь клан сбегался на его зов, потрясая воздух своими криками. Вот как было заведено в старые времена! И стояли за него всей бражкой.

Это наполовину говорил, наполовину мелодекламировал робкий молодой человек, впавший в какой-то экстаз, и тон его был торжествен, несмотря на заключительный грубо-жаргонный оборот.

— Примерно в таком духе, — сказал Кастер, развалясь на стуле и с одобрением поглядывая на молодого человека, — право, не знаю, не лучше ли будет и теперь нажать таким же манером?

Консул потерянно переводил взгляд с одного на другого. Ему всегда казалось, что это маниа-

кальное искательство потерянных привилегий может переходить в настоящее умопомрачение, и он нимало не сомневался, что молодой человек слегка поврежден в уме. Но чем объяснить затмение, нашедшее на его друга? Ведь Гарри Кастер, насколько помнится, всегда умел сохранять голову на плечах и, хоть и питал слабость ко всему романтическому и необычно волнующему, это не мешало ему быть трезвым в расчетах, и своей прозорливостью, здравым смыслом и оборотливостью он накопил не одну только житейскую мудрость. А тут он явно загипнотизирован этим сумасбродом, хотя внешне выглядит все таким же лениво-рассудительным, как и прежде!

— Уж не хотите ли вы сказать, — срывающимся от волнения голосом произнес консул, — что вы пожаловали сюда лишь с несколькими устными преданиями да фамильной Библией и рассчитываете сыграть на каком-то феодальном фанатизме, который, может, только и существовал, что в романах? Неужели вы хотите таким образом добиться восстановления в правах, которые давно утверждены законом за другими и могут быть оспорены только по местному закону? Нет, должно быть, я не так вас понял. Вы, должно быть, совсем не то имели в виду.

— Да нет же, — сказал Кастер, лениво кивая головой. — Все так и есть, только не совсем, как ты изложил. Например, ты думаешь, что нас только двое. А нас, дружище, целый синдикат.

— Синдикат? — переспросил консул.

— Синдикат, — подтвердил Кастер. — В нем половина ребят из Орлиного Стана да двое соседей Малькольма в Кентукки, настоящей шотландской породы, как и он сам. Ты же знаешь, округ Мак-Коркль основали старые шотландские ковенантеры, тамошний народ — и поныне сплошь пресвитерианцы. К слову сказать, и в ребятах из Орлиного, что вошли в дело, тоже есть шотландская кровь… Собственно говоря, я и сам наполовину шотландец… не то ирландец, — раздумчиво добавил он. — Так что прием у клана нам обеспечен, можешь не сомневаться. Уж если шотландцы не узнают своих, тогда кто же узнает?

— Позволь спросить, — перебил его консул, с трудом сохраняя самообладание, — что вы намерены предпринять?

— Ну, это смотря по обстоятельствам, — ответил Кастер, снова разваливаясь на стуле. — Помнишь, как мы отхватили заявки у мексиканцев на Норт-Форк — это когда они нашли золото в верховьях реки и вздумали оттягать у нас весь берег? Если

память мне не изменяет, мы тогда выбрали ясную лунную ночку, тихо-мирно перебрались на тот берег, вытащили их заявочные столбы и воткнули свои. Сдается, и ты был тогда вместе с нами.

— Так ведь то было у нас, в Америке, — поспешно возразил консул, — и все равно это непростительный проступок, пусть даже дело было в диком пограничном районе, где еще не знали ни права, ни закона. Но ведь только сумасшедший может затеять что-либо подобное здесь!

— Погоди кипятиться, Джек, — лениво протянул Кастер. — Все будет по-конституционному. Помнишь, нам не понравились порядки в Пуэбло, и мы взяли да основали свой город — Эврику, собрали мексиканцев да индейцев, они нам честь по чести избрали мэра и олдерменов, а мы вынесли черту города на Хуанита-Крик и давай отгораживать по берегу участки? Сдается, ты сидел тогда клерком в окружной канцелярии. Так вот, кто может помешать теперь Дику Мак-Грегору и Джо Гамильтону — они сейчас на верхнем Ниле — завернуть в Шотландию и водворить Малькольма в замок его предков? Кто возразит против того, чтобы Уоллес и Бэрд, которые любуются сейчас итальянскими озерами, заглянули сюда по пути домой? Уотсон, Мур, Тимли тоже

могли бы прикатить сюда из Парижа и вместе со всеми помочь Малькольму справить новоселье на родном пепелище. Да в конце-то концов и весь синдикат в полном составе мог бы собраться на острове Келпи, там, у западных берегов, и на могилах предков Малькольма договориться обо всем кланом.

— Тут есть одно только «но», — сказал консул, напуская на себя важность, хоть в душе его возникло опасение, что, возможно, он ступает на ложный путь. — Напрасно вы мне все это сказали. Если как старый друг я не могу удержать тебя от невероятного безрассудства, то как американский консул я обязан немедленно навестить обо всем нашего посланника, а быть может, и местные власти. И можешь быть уверен, именно так я и поступлю.

К его удивлению, Кастер просиял и, подавшись вперед, горячо пожал ему руку.

— Отлично, дружище, на это я и рассчитывал. Я даже предсказывал Малькольму, что примерно так ты и ответишь. Разумеется, ты не можешь поступить иначе. А мы были бы просто свиньями, если бы оставили тебя совсем вне игры и не дали тебе хоть такой возможности подыграть нам. Видишь ли, как только ты предупредишь всех,

кого следует, клан-то, глядишь, и зашевелится. Для нас это лучший способ начать кампанию.

— Ну, не слишком-то на это полагайтесь, — сказал консул с нервным смешком. — Не будем принимать в расчет такие маловероятные крайности. Лучше приходите-ка ко мне обедать, оба вместе, тогда и обсудим то единственное, что достойно обсуждения в вашем предприятии, а именно — насколько законны ваши претензии. Заодно вы расскажете мне и всю вашу историю, ведь, к слову сказать, я еще ровно ничего не знаю.

— Очень жалко, Джек, но с обедом ничего не получится, — серьезно ответил Кастер, впервые проявляя какой-то намек на благоразумие. — Мы, видишь ли, решили зайти к тебе только раз и больше здесь не показываться. Не хотим тебя компрометировать.

— Ну, уж это мне виднее, — сухо ответил консул и вдруг, отбросив напускную холодность, обеими руками схватил Кастера за руки. — Полно, Гарри, — задушевно сказал он. — Мне до сих пор не верится, что все это не шутка, но я попрошу тебя только об одном: обещай, что ты ни шагу не ступишь дальше, не посоветовавшись с юристом. Я дам тебе письмо к одному своему приятелю,

он человек дельный и опытный и не менее шотландец, чем все те, о которых ты говорил. Изложите ему правовую сторону дела — только правовую! — и я уверен, что из его ответа вы ясно увидите, насколько безрассудно строить ваши расчеты на остатках родовых чувств или исторических традициях.

Не дожидаясь возражений, консул сел и поспешно написал несколько строк к одному из своих знакомых- шотландцев, влиятельному в здешних местах человеку. Когда он передал письмо Кастеру, тот взглянул на адрес и, показав конверт молодому Мак-Гулишу, спросил:

— Та же самая фамилия, так ведь?

— Та самая, — подтвердил тот.

— Вы с ним знакомы? — спросил консул, явно удивленный.

— Мы — нет, но вот с одним парнем из Орлиного они приятели. Так что мы все равно должны свидеться с ним. Ладно, послушаем твоего совета и ни шагу дальше, покуда не потолкуем с ним обо всем. Договорились. Бывай здоров, дружище. Пока!

Гости попрощались с консулом и ушли. Консул стоял у окна и смотрел им вслед, пока они не растаяли в тумане, как бесплотные тени прошлого.

II

На другое утро туман сменился весьма осязательным горизонтально секущим дождем, который мочил проплывающие мимо окон зонты изнутри и снаружи, заставляя их изворачиваться под всеми мыслимыми углами. В дверь консульского кабинета постучали, и вошел секретарь.

— Желаете ли вы принять сэра Джемса Макфе?

Консул утвердительно кивнул и добавил:

— Просите его сюда.

Это был тот самый местный туз, к которому он писал накануне, человек широкого, но медлительно-осторожного ума, ученый до педантизма, но расчетливый и практичный; умевший проявлять доброту и отзывчивость в обращении с людьми, но никогда не позволявший чувствам взять верх над деловыми соображениями. Консул встречался с ним в обществе и знал, что в бесчисленных правлениях и комитетах он всегда отличался здравомыслием и твердостью, на политических собраниях был логичен и убедительно красноречив; в церкви держал себя серьезно и с достоинством, а на званых обедах бывал весел

и шутлив и отнюдь не чурался вечеринок, на которых друзья обмениваются рукопожатием за возлияниями, по слову поэта, именуемыми «изрядным добрым глотком». С одной такой пирушки им даже довелось возвращаться вместе домой, причем выказывая некоторую явно нарочитую твердость шага; но как бы там ни было, когда Мак — Фе скрылся наконец за благопристойной дверью своего дома, консул ни минуты не сомневался в том, что наутро из этой же двери появится безупречно корректный, идущий безукоризненно прямым путем деловой человек.

— Нечего сказать, дождливый выдался денек, — проговорил сэр Джемс, снимая перчатки. — Погода не для прогулок.

— Я полагаю, вы получили мое рекомендательное письмо? — спросил консул, когда сакраментальная тема погоды была исчерпана.

— О, как же!

— И виделись с этими джентльменами?

— Да.

— И каково же ваше мнение о его… э — э… претензиях?

— Славный мальчик этот Малькольм, я люблю таких людей, — сказал сэр Джемс неожиданно доверительным тоном. — Вероятно, и вам он тоже

понравился? Да, просто удивительно, как долго сохраняются родовые черты после расселения на чужбине. Да и ваша страна тоже необыкновенная, замечательная страна, так сказать, рассадник самых удивительных типов, в стольких поколениях сохраняющих свои особенности... И старая вера уцелела и все эти удивительные приметы старины! Да... А этот штат Кентукки, где у него земля, видимо, богатейший край! Да... А как поучительно и интересно рассказывал он об этой замечательной области, которую они называют «Страной голубой травы», и какой скот они там выращивают! Словом, друг мой, я вам очень благодарен за вечер, проведенный не только приятно, но и полезно.

— Но что с его иском?.. Неужели он ничего вам не сказал?

— Как же... как же... А этот мистер Кастер.... Великолепный человек и занятный собеседник к тому же. Оказывается, вы с ним закадычные друзья! Господи! Он на редкость занимательно рассказывал о том, что вы там вытворяли вместе в прежние времена. Вот уж не ожидал услышать такое об американском консуле в Сент-Кентигерне! — И сэр Джемс, откинувшись на спинку стула, с восторженной улыбкой воззрился на

собеседника.

Консулу показалось, что он начинает догадываться о причине такой уклончивости своего гостя

— Так, значит, вы не придаете серьезного значения претензиям мистера Мак-Гулиша? — спросил он.

— Я этого не сказал.

— Но неужели вы и вправду полагаете, что иск, основанный на фамильной Библии и фамильном сходстве, заслуживает серьезного рассмотрения?

— Я и этого не сказал, мой друг.

— Тогда он открыл вам больше, чем мне, или, может, вы сами располагаете какими-нибудь сведениями, подтверждающими справедливость его притязаний?

— Нет.

Сэр Джемс явно не желал распространяться на эту тему. Правда, и того, что он признал, было достаточно, чтобы со спокойной душой оставить дело в его руках. Шотландец был честно предупрежден, чего же больше? Но тем не менее консул решил поставить все точки над «и».

— Не знаю, — снова начал он, — сказал ли вам юный Мак-Гулиш о том, что он очень надеется произвести особый эффект, появившись лично

среди арендаторов, а также о том, что он намерен утвердиться в правах собственности, настроив клан в свою пользу. Мне показалось, что обо всем этом у него какие-то преувеличенные представления. Возможно, подобно Дон-Кихоту, он просто почерпнул их из прочитанных книг. Он, по — видимому, верит в существование родовой верности и полагает, что на севере Шотландии и поныне сохранились старые феодальные инстинкты и порядки. Похоже, он видит в себе нечто вроде местного принца Чарли[2] и, ей — богу, по- моему, он такой же сумасшедший, как и тот.

— А почему бы ему не верить в своих сродственников? — неожиданно запальчиво воскликнул сэр Джемс, сбиваясь на диалектальную свободу выражений, которая так резко контрастировала с его обычно тщательно отработанной и продуманной манерой изъясняться. — Мак-Гулиши заправляли кланом еще до того, как была открыта Америка! А сколько раз до этого они совершали набеги на северные границы Англии! Если кровные узы и преданность роду что-нибудь да значат, странно и подумать, будто на его зов никто не

[2] Примечания: 2

Чарлз Стюарт (1720–1788), в 1745 году выступил как претендент на английский престол, пользовался поддержкой и популярностью в Шотландии; впоследствии — герой легенд и баллад.

откликнется! Могу вас заверить, друг мой, у нас в горной Шотландии есть много чего такого, что и не снилось вашим завзятым романистам, не исключая самого Вальтера Скотта! Ну, да, впрочем, он ведь был горожанин, родом из Эдинбурга, так где ж ему… В этом можете быть благонадежны. Насчет принца Чарли мы с вами никогда не столкуемся. Будет время, друг мой, и я расскажу вам об этом милом парнишке больше, чем написали все ваши присяжные историки, вместе взятые. А до тех пор советую вам в разговорах с шотландцами воздерживаться от высказываний, изобличающих в вас южноанглийские предрассудки.

Такой взрыв патриотических чувств со стороны осмотрительного и сдержанного правоведа крайне удивил и даже несколько позабавил консула, и он не мог удержаться от того, чтобы не поставить на нем акцент, вернувшись к непосредственной теме беседы.

— Я буду рад узнать как можно больше о принце Чарли, — улыбаясь, сказал он. — Но в настоящую минуту нас больше интересует его жизненный прототип, если позволите так выразиться. Потому что, пока он не получит своих новых званий и привилегий, он останется американским гражданином и как таковой имеет полное право на мое

покровительство, и я за него отвечаю. Скажите же ради бога, мой дорогой друг, действительно ли он может претендовать на сколько-нибудь значительное имущество, землю и титул и где все это находится? Поверьте, я совершенно не в курсе дела и ровным счетом ничего не знаю.

Сэр Джемс вновь принял свою спокойную, медлительную манеру и взял перчатки.

— Да, да, как же... Есть там, в Баллохбринки, большой олений заповедник, есть часть озера Лох-Филлибег в Кэрнгомшире да остров Келпи у берегов Моровершира. Как же, как же, земли будет порядочно, если согнать с нее арендаторов и мелких овцеводов. Тогда будет поместье хоть куда.

Консул пристально посмотрел на собеседника.

— Согнать арендаторов и овцеводов! — машинально повторил он. — А разве они не принадлежат к клану, не преданы Мак-Гулишу?

— Мак-Гулишей там уже давно не видали, — сказал сэр Джемс, тщательно подбирая слова. — Они, пожалуй, уже и жгли его там — я хочу сказать, его чучело.

— Но ведь это же скверно для предполагаемого наследника! — возразил изумленный консул. — Какой уж тут волшебный эффект его личного

присутствия!

— Я этого не сказал, — осторожно ответил сэр Джемс. — Просто он должен будет предложить более выгодные условия.

— Условия? — переспросил консул. — Значит, он пойдет на компромисс?

— Я хочу сказать, не исключена возможность, что семейство отступится от своих прав в его пользу, за приличное вознаграждение, разумеется. Уж лучше он заплатит деньги им, чем адвокатам. Ведь синдикат достаточно богат для этого, не так ли? И очень может быть, что Мак-Гулиши взамен своего здешнего поместья согласятся взять земли в Кентукки, там ведь тоже земля недурная, где голубые-то травы растут.

Консул посмотрел на своего собеседника таким долгим и пристальным взглядом, что в глазах сэра Джемса мелькнул веселый огонек и он чуть заметно улыбнулся. Тут консул тоже улыбнулся. По кабинету словно прошел ветерок облегчения и взаимопонимания.

— Да, да, — продолжал сэр Джемс, с небрежной тщательностью натягивая перчатки, — он славный мальчик, этот Малькольм, в нем говорит похвальный инстинкт, он побудил его вернуться в страну своих отцов и вновь занять здесь свое

место. И я давно уже примечаю, господин консул, что многие ваши соотечественники стремятся к этому. Спору нет, ваша страна — великая страна, у вас там и прогресс, и гражданские свободы, и религиозная терпимость, но при всем при том, как говорит Берне, в крови живет тоска по дому, и от этого никуда не денешься. И очень даже хорошо, если у человека есть деньги, чтобы исполнить свое желание, это очень разумное употребление деньгам. До свидания… Ах да, хорошо, что вспомнил: я хотел пригласить вас на обед, у меня будут Малькольм, этот ваш приятель Кастер и мистер Уотсон. Оказывается, он тоже из вашего синдиката, я встречал его прежде за границей. Впрочем, я еще пришлю вам приглашение по всей форме и дам знать, когда состоится торжество.

Консул вспомнил, что Кастер действительно упоминал о том, что кто-то из «ребят с Орлиного» знаком с сэром Джемсом. Очевидно, это и был Уотсон. Консул опять понимающе улыбнулся, но на этот раз сэр Джемс ответил ему лишь вежливой улыбкой и, любезно раскланявшись, покинул кабинет.

Не переставая улыбаться, консул проследил, как солидная фигура уважаемого гостя прошла мимо окна, а затем вернулся к своему столу. Он

чувствовал огромное облегчение. То, что казалось ему дикой, сумасбродной авантюрой нескольких его соотечественников, быть может, даже грозившей серьезным международным скандалом, оборачивалось самой обычной спекуляцией, участники которой друг друга стоили. Похоже даже, что в выигрыше от сделки будут шотландцы, янки на этот раз явно дали маху. Но это уж их дело. Попробуй-ка заикнись об этом Кастеру — он первый и обидится…

Консул представлял себе, как преданные родичи — арендаторы палили чучело, изображавшее благородного Малькольма, и как теперь его вдохновляющее личное присутствие заменят прозаические американские доллары, и картина эта доставляла ему немалое удовольствие. Он с самого начала решительно невзлюбил желторотого отпрыска рода Мак-Гулишей и досадовал на то, что ему каким-то непостижимым образом удалось обморочить Кастера. Но ведь и практичный сэр Джемс не миновал той же участи. Вот смешно будет, если и вправду этот дутый идеал главы клана, это привилегированное ничтожество окажется вознесенным к славе и почету совместными усилиями американских республиканцев и шотландских раскольников, в равной мере оту-

маненных влажной шотландской атмосферой! От этой игривой мысли на какое- то время словно веселее сделалось в его сумрачном кабинете. Но на обед к сэру Джемсу он так и не попал — помешали дела. Впрочем, позднее он слышал, что обед прошел блестяще, что после обеда присутствующие пели «Добрые старые времена» на слова Бернса и поднимали тосты за здоровье Кастера и Малькольма, оказывая им «горские почести». До консула дошло также, что сэр Джемс пригласил Кастера и Малькольма погостить весной в его загородном поместье в Озерном краю. Но ни о ходе дела Малькольма, ни об относящихся к этому делу подробностях ему ничего больше не было известно. Казалось, об этом вообще никто ничего не знал: ни в городских газетах, ни в клубах Сент-Кентигерна ни о чем таком не говорилось. А так как и лиц, заинтересованных в деле, он также не встречал, то вся затея стала представляться ему каким-то забавным полуромантическим анекдотом. Зачастую он даже спрашивал себя, не преследовало ли все это предприятие какую-то иную, скрытую цель, уж очень ничтожным делом оно обернулось. Ведь синдикат, состоявший из людей очень богатых, легко мог бы скупить поместье и пожирнее. В искренность побуждений

Малькольма консул нисколько не верил. Нет, тут должна быть иная подоплека — возможно, неизвестная даже самому синдикату.

Но настал день, когда консулу показалось, что он понял, в чем дело. Он получил письмо с обратным адресом одного из лучших отелей города, но с большой личной монограммой на конверте и на бумаге. Некто мисс Керкби, задержавшись в Сент-Кентигерне проездом в. Эдинбург, желала бы видеть консула завтра утром и просит назначить ей час, когда она может застать его в консульстве; либо, поскольку времени у нее мало, она сочтет себя крайне обязанной, если консул соблаговолит сам приехать к ней в отель. Хоть она и его соотечественница, ее имя вряд ли так же хорошо ему известно, как имена ее «старых друзей» — Гарри Кастера, эсквайра, и сэра Малькольма Мак-Гулиша. Прочитав это место, консул несколько удивился. Судя по титулу, если только это был тот самый Мак-Гулиш, можно было заключить, что Малькольм добился, чего хотел. Однако консул не помнил, чтобы с поместьем, которого домогался Мак-Гулиш, был связан титул, дающий право владельцу ставить «сэр» перед своим именем. Скорее всего его корреспондентка, как и большинство ее соотечественниц, хотя и

питает слабость к титулам, но имеет о них самое смутное представление.

Консул решил отступить от своего обычного делового распорядка и тотчас отправиться к ней с визитом, как настоящий патриот, готовый подчиниться тому обворожительному своеволию, с каким американки обращаются на чужбине с преданными им соотечественниками.

Она приняла его с напускной надменностью, словно приноровляясь к обычаям страны, где, как она только что узнала, господствует неравенство сословий. Она была молода, хороша собой и со вкусом одета; но дальше этого ее женская приспособляемость не пошла — голос и произношение не изменились. То и другое изобличало в ней жительницу американского Юго-Запада, и как только она заговорила, от ее напыщенности не осталось и следа.

— Страшно мило, что вы сами пришли, мне ужас как не хотелось идти к вам в консульство. Я, видите ли, южанка, и притом непримиримая. Мне дела нет до вашего правительства. Я его не знаю и знать не хочу. Я, кажется, с самой войны не бывала под американским флагом, так что ни документов мне не нужно свидетельствовать, ни паспортов, и я не стану у вас просить ни советов,

ни покровительства. Вот видите, я с самого начала решила быть с вами откровенной и ничего не скрывать.

Трудно передать, каким подкупающе заразительным чистосердечием и веселостью были смягчены эти, в сущности, неприязненные слова. Консул выслушал их, внутренне посмеиваясь, уверенный в том, что все это лишь давным-давно разученная и не один уже раз сыгранная игра. Он знал, что во время восстания южных штатов и сразу же после войны многие уроженцы американского Юга и Запада искали убежища в Англии и пытались завоевать расположение англичан, открыто заявляя недовольство своим правительством и выставляя себя добровольными изгнанниками. Но он никак не ожидал, что до сих пор существуют охотники ворошить прошлое, тем более что теперь в этом нет никакого смысла. Как бы там ни было, он добродушно объяснил всю несостоятельность такой позиции и сказал, что с окончания войны прошло уже много лет, что с тех пор Север и Юг нашли достойную форму примирения и что он является законным представителем как Кентукки, так и Нью-Йорка.

— Вот и ваши друзья, — прибавил он, улыбаясь, — мистер Кастер и мистер Мак-Гулиш,

по-видимому, приняли этот факт без всяких оговорок.

— Ну, я в этом мало что понимаю, — смеясь, ответила девушка. — Последнее время я жила в Париже, а теперь мама — она отдыхает там наверху — вытащила меня посмотреть Англию. Вот мне и подумалось, что Малькольм должен постоянно поддерживать с вами связь из-за этой своей собственности.

Консул улыбнулся.

— Ага, так, значит, можно надеяться, вы расскажете мне что-нибудь об его деле? Я ведь так и не знаю, удалось ли ему утвердиться в правах наследства.

— Как! — воскликнула девушка с неподдельным изумлением. — Ведь это я хотела вас об этом спросить! Малькольм думал, что вы полностью в курсе дела.

— Я уже два месяца не имею о нем никаких сведений, — ответил консул. — Дело в том, что в вашем письме вы назвали его сэром, вот я и решил, что вы осведомлены об исходе тяжбы. Хотя, насколько мне известно, даже в случае успеха он не мог бы именоваться «сэром Малькольмом», и это навело на меня сомнение, уж не имеете ли вы в виду кого-нибудь другого.

— Ну так лорд Малькольм — я, по правде сказать, до сих пор не очень-то разбираюсь в этих титулах.

— Нет, ни лорд и ни сэр, с поместьем вообще не связан никакой титул, — улыбаясь, пояснил консул.

— Так, значит, он не будет лэрд такой-то и такой-то?

— Нет, почему же. Но лэрд — это вовсе не титул, это всего — навсего помещик по-шотландски. Это вовсе не то же самое, что лорд.

Девушка смотрела на него с нескрываемым изумлением. В углах ее рта застыла улыбка.

— Вы в этом уверены? — спросила она.

— Совершенно уверен, — отвечал консул не без некоторого раздражения. — Но так ли я вас понял, что вы действительно не знаете, в каком положении находится дело?

— Подождите минутку, — быстро проговорила мисс Керкби, с таким видом, будто ей пришла в голову какая- то очень забавная мысль. — Я сбегаю за мамой, может быть, она спустится к вам. Она, наверное, ужасно рада будет вас видеть.

Девушка замолчала и, уже встав, спросила:

— Так, значит, жена лэрда никак не может титуловаться леди такая-то?

— Нет. Если она не леди по рождению, то, выйдя замуж за лэрда, она никакого титула не получит.

Она снова рассмеялась, тряхнула головой и убежала. Консул, находя весь этот разговор не лишенным занятности, но вместе с тем и отчасти озадаченный его сбивчивостью, терпеливо дожидался. Вскоре девушка вернулась, несколько запыхавшись, но по — прежнему обдумывая про себя какую-то потаенную и, очевидно, очень забавную мысль.

— Мама сейчас придет, — сказала она и после минутной паузы, лукаво глядя на консула своими ясными глазами, спросила:

— Вы хорошо знакомы с Малькольмом?

— Я видел его один только раз.

— А что вы о нем думаете?

Консул отвечал, что за одну короткую встречу не мог составить о нем никакого мнения.

— У вас, наверное, и в мыслях не было, что я чуть было не помолвилась с ним.

Консулу пришлось подтвердить, что он просто не имел времени узнать, какое счастье выпало на долю Малькольма.

— Я знаю, что вы думаете, — беззаботно продолжала девушка. — Вы думаете, что он тронутый в уме. Но мне-то теперь все равно, наша помолвка

расторгнута.

— Надеюсь, не потому, что вы усомнились в успехе его дела?

_ Она небрежно повела плечами.

— Нет, с этим, пожалуй, будет все в порядке. На что же еще синдикат собрал сто тысяч долларов? Одна мама двадцать тысяч вложила. Нет, Кастер промаха не даст, а уж тем более теперь, когда, говорят, у них там на полюбовную пошло. Просто Малькольм тронутый, и если б дело не решилось полюбовно, ему, пожалуй, и никакой бы синдикат не помог. Ну как же не тронутый, раз он даже не знал, что у Мак-Гулишей и титула-то никакого нет.

— Так вы полагаете, он заблуждался относительно своих наследственных прав?

— Нет, не то. Но не дурость ли это — доказывать их такими способами! Ведь он всем втемяшил в голову, будто может взять свои права, что называется, с бою. Носился с мыслью поднять «восстание горцев», — ну, знаете, есть такое стихотворение не то картина, уж не помню что… А эти остолопы и уши развесили: вот, мол, будет потеха… Да и Кастер туда же… Слава богу, мама вовремя спохватилась и велела Уотсону написать обо всем одному его хорошему знакомому, как его… мистер

Мак-Фе, что ли? Он очень влиятельный человек.

— Вероятно, это сэр Джемс Мак-Фе, — подсказал консул. — Вот он действительно титулованный дворянин. Ну, и что же он ответил?

— О, он написал очень дельное письмо, — ответила девушка, явно довольная тем, что у Уотсона оказался такой именитый советчик. — По его мнению, можно почти не сомневаться в том, что, если американские Мак-Гулиши захотят вернуть себе свое родовое поместье, это можно устроить, затратив некоторый капитал. Он даже вызвался быть посредником в деле. Наверное, это и есть та самая полюбовная сделка, о которой теперь идет слух. Но он ни словом не обмолвился о том, что лордством тут и не пахнет.

— Возможно, он полагал, что раз вы американцы, для вас это не имеет никакого значения, — сухо сказал консул.

— Это еще не причина, чтобы отказываться от таких вещей, раз они нам принадлежат и раз за них деньги плачены! — запальчиво возразила собеседница.

— Выходит, перемена в ваших личных отношениях с мистером Мак-Гулишем и служит причиной того, что вам так мало известно о ходе дела и его перспективах?

— Именно так, но сам-то он думает, что между нами все по — прежнему. Ведь мы как приехали сюда, так еще ни разу его и не видели, хотя все говорят, что он здесь, но только скрывается.

— Это зачем же?

Девушка недоуменно вскинула брови.

— Должно быть, считает, что так таинственней. Я же сказала, что он чокнутый.

И она так простодушно рассмеялась, нимало не думая о том, что ее слова могут весьма нелестно характеризовать ее самое, что консул поневоле присоединился к ней.

— Судя по всему, вы не так легко расстраиваетесь, как помолвки, — сказал он.

— И не буду расстраиваться… А вот и мама идет. Послушайте, — вдруг сказала она, делая умильное лицо, — если мама пригласит вас поехать с нами на север, не отказывайтесь, ладно? Поедете? Это будет просто замечательно!

— На север? — с недоумением переспросил консул.

— Ну да, имение смотреть. А вот и мама.

Вошла дама не столь боевая, но не менее красивая и нарядная. Когда церемония знакомства закончилась, мать повернулась к дочери и сказала:

— Пошла вон, милашка, я хочу потолковать о деле с этим... э — э... джентльменом.

Девушка со смехом убежала, и мамаша, подавляя со сна зевок, подняла на консула тяжелые веки.

— Вы уже беседовали с моей Элси?

Консул подтвердил, что имел такое удовольствие.

— Ах, она что думает, то и говорит, — томным голосом сказала миссис Керкби, — но сердце у нее доброе, и при всей своей ветрености она никогда не теряет голову. С тех пор как умер ее отец, она мною командует, — продолжала она с легким вздохом и, помолчав немного, рассеянно добавила: —Уж конечно, она успела рассказать вам о своей помолвке с юным Мак-Гулишем?

— Да, но она сказала, что помолвка расторгнута.

Миссис Керкби облегченно повела бровью.

— Во всяком случае, это было не более как ребячество с их стороны, — сказала она. — Они росли вместе в Мак — Корклевилле, он приходится ей троюродным братом. Я думаю, он наплел ей с три короба о своем знатном происхождении, будто бы он старший в роде Мак-Гулишей, ну, у нее воображение и разыгралось. Наверное, Кастер

сумеет выколотить здесь кое-что для пайщиков, во всяком случае, пока что он не давал промаха в денежных делах, но уж на большее едва ли можно рассчитывать. Так вот, мне пришла мысль съездить с Элси посмотреть имение, и я хотела попросить вас поехать с нами. Элси вам ничего не говорила? Я знаю, ей было бы это приятно… и мне тоже.

Несмотря на лениво-безразличный тон миссис Керкби, ее просьба звучала так искренне, так серьезно, что консул поневоле заинтересовался. Да и его собственное любопытство к этому странному делу было так велико, что он рад был случаю удовлетворить его. Теперь он чуть ли не упрекал себя за то, что слишком поспешно и сурово осудил Керкби — младшую за эгоизм и тщеславие. В конце концов он давно уже не бывал в Америке и, возможно, настолько изменился сам, что совершенно утратил способность понимать своих земляков. Однако вместе с тем он все же чувствовал, что откровенная независимость и безрассудная отвага таких людей, как Кастер, несравненно ближе и родственнее его американской душе, чем мелкое тщеславие и почти рабское приспособленчество женщин. Или, может, причиной тут извечная женская слабость,

с которой ничего не может поделать ни республиканское происхождение, ни воспитание?

— Насколько мне известно, имение разбросано по разным местам, — любезно улыбаясь, сказал он.

— Ах, мы хотим съездить только на остров Келпи, где развалины старого замка. Элси хочется их осмотреть.

Консул подумал, что поездка действительно может оказаться интересной.

— Ну что ж, поедем, непременно поедем. Я с величайшим удовольствием присоединяюсь к вам.

Такой скорый и решительный ответ, казалось, успокоил даму и согнал с нее лень. Она оживилась и уже более свободно и доверительно заговорила об одержимости Малькольма, которую не знала, как толковать: то ли как настоящее помешательство, то ли как истовую уверенность в своей правоте, — так что в конце концов у консула сложилось впечатление, что ее участие во всей этой махинации не более как причуда неопытной женщины, которая не знает, чем себя занять. Он обещал зайти к ней на следующий день, чтобы устроить все необходимое для поездки, и откланялся.

На обратном пути ему пришлось пройти од-

ной из площадей Сент-Кентигерна в тот самый час, когда рабочий народ расходится по домам с фабрик и доков. Вид этих разбредающихся толп никогда не представлялся ему ни живописным, ни отрадным, но бывали дни, когда такое зрелище безликой, нездоровой нищеты и тупой безысходности внушало ему особенно тягостное чувство. Он помнил, как впервые увидел эту картину: женщины и девушки, идущие босиком по слякоти мостовой сквозь мглу и туман, — и какой оскорбительный контраст составляло все это его свежим, только что из Нового Света, понятиям о нежном поле! Но со временем его восприимчивость притупилась, душа огрубела, как бы под стать этим загрубелым, бесчувственным ступням, и он начал относиться ко всему спокойно, подобно прочим представителям обутого сословия здешних мест.

Вышло так, что именно в этот вечер многие мужчины усугубили обычную бессмысленность своего внешнего вида какой-то пьяной остолбенелостью. Консул и прежде не раз подмечал эту особенность в пьяницах Сент-Кентигерна. Одни проходили мимо него в безмолвном одиночестве, словно их манило за собой какое-то неясное горячечное видение, колыхавшееся на волнах

шотландского тумана пополам с алкогольными парами. Другие шли, безвольно обвисая друг на друге, но также молча— машинально переступающие ноги, застывшие, непроницаемые лица, без малейшего намека на веселье или взаимную приязнь. Было что-то жуткое и сверхъестественное в этом безрадостном компанействе, в тоскливом одиночестве пустых, остановившихся глаз… Внезапно консул увидел двух мужчин, с трудом подвигавшихся ему навстречу в состоянии того же наркотического опьянения, и один из них показался ему знакомым. Бессмысленные глаза, лицо тщеславного, самоупоенного и мечтательного фата, причем нельзя было понять, обычная ли это мечтательность, лишь усиленная опьянением, или навеянная каким-то иным видом безнадежного безумия… Кто бы это мог быть? Консул повернул и пошел следом за пьяными, надеясь опознать этого человека по его спутнику. Судя по внешности, тот мог быть мелким торговцем и являл собою личность более здравомыслящую и реалистическую. Однако напрасно консул напрягал свою память, и, когда те двое свернули в проулок, он повернулся и медленно зашагал обратно. Но не прошел он и нескольких шагов, как ускользавшее воспоминание вер-

нулось, и он понял, что человек, лицо которого показалось ему знакомо, не кто иной, как Малькольм Мак-Гулиш.

III

Добираться до острова Келпи приходилось в несколько пересадок — сперва на поезде, потом в почтовой карете и, наконец, на пароходе. Маршрут этот был консулу знаком, как, впрочем, и большинству цивилизованного мира. Ибо в определенные сезоны казалось, будто все дороги сходятся в Сент-Кентигерне, словно в некоем центре, где на вокзалах и в гостиницах встречаются прибывающие и отбывающие туристы, оглядывающие друг друга кто с завистью, кто с сознанием собственного превосходства. Путешественники, державшие путь к историческим скалам Уотеффа, при встрече с группой возвращавшихся оттуда вглядывались в их лица, словно желая выпытать у них какую-то страшную тайну, а те, в свою очередь, смотрели на них с насмешливым сожалением или невозмутимым спокойствием.

Консулу было также известно, что пароходное и железнодорожное сообщение поставлено здесь превосходно, ибо кто не знает, что благочестивые обитатели Сент-Кентигерна ведут свой род от по-

томков Тувалкаина[3] исстари славящихся перед господом как великие искусники по части стальных и железных изделий, — от могущественного народа мастеров, пронесших свое искусство и свой язык через океан? Знал он и то, что в краю этих великолепных гостиниц текут медовые реки в мармеладных берегах, а манна небесная в виде вкуснейших тортов и печений сыплется даже на самые безлюдные прибрежные скалы и вересковые пустоши. Наконец, консулу было известно, что их путь пролегает большей частью через кричаще бесплодный, до жестокости скудный растительностью ландшафт, в котором горожане-туристы почему-то усматривают нечто возвышенное и величавое; но ему было известно и то, что суровость этих пейзажей нередко смягчается дикой прелестью лесистых долин, густая непролазь которых не имеет ничего общего с самодовольной уютностью английского пейзажа, хотя то и другое часто путают, возводя на шотландскую природу поклеп в прилизанности и домашности.

В день отъезда из Сент-Кентигерна шел дождь; он шел и на второй и на третий день. Судорож-

[3] Примечания: 3

Тувалкаин — библейский персонаж, «ковач всех орудий из меди и железа» (Бытие, 4, 22).

ными порывами налетал он на тех, кто оставался на месте, тогда как тем, кто сидел у затянутого водяной пленкой окна вагона или на влажно блестящей палубе парохода, казалось, будто он то припускает, то иссякает вновь. Дождь лил каждую минуту, не здесь, так там. Он то сеялся где- нибудь над долиной, то неохотно отрывался от вершины горы, то длинными прядями восставал из свинцовой глубины озера. Карета то ныряла в завесу дождя, то выходила из него, зонтики и плащи то раскрывались, то убирались, снопы солнечного света быстро бежали рядом с каретой по горному склону и обрывались за поворотом дороги. Ветер, стремительно налетавший при спусках с гор, рвал шляпы с голов, в маленьких озерцах внизу разыгрывались миниатюрные бури, истерически вскипала вода в сумрачных тихих озерах, а бурные получасовые переправы заканчивались высадкой на крохотных, шатких пристанях. И все это виделось сквозь какую-то особо влажную дымку, на фоне темного, словно рисованного тушью вразмыв неба, только казалось даже еще более расплывчатым и смутным, словно ребенок набросал силуэт на грифельной доске и смазал его мягкой ладошкой. Случалось, редкий луч солнца и в полную силу озарял на-

мокшие лиственницы на каком-нибудь далеком, нахмуренном горном гребне, и тогда казалось, будто гора улыбается сквозь влажные ресницы.

Мисс Элси сидела, подобрав свои маленькие ножки под плащ.

— Если бы я пожила здесь подольше, у меня, наверное, отросли бы гусиные лапы, — печально проговорила она. — Мы точно с Арарата спускаемся, когда схлынули воды потопа.

Миссис Керкби сказала, что если б только солнце как следует, по — божески, посветило хоть несколько минут, то можно было бы рассмотреть местность получше.

Тут консул заметил, что обожатели шотландской природы как раз в этом и находят ее главную прелесть. По их мнению, именно этот дымчатый эффект и ставит здешние виды куда выше вульгарных, похожих скорее на хромолитографии, солнечных пейзажей других, менее счастливых в этом отношении стран.

— То есть эта дымка тем и хороша, что не дает разглядеть, какая тут, в сущности, бедная природа, это вы хотите сказать?

Консул возразил, что трудно судить о пейзаже, когда перспективы не видно. А что до того, чтобы солнце светило по-божески, то все зависит от

представления о божестве, ведь тут вера-то иная.

— Ну уж я бы, во всяком случае, не назвала здешний пейзаж прекрасным! Или даже просто милым. Мне кажется, теперь я начинаю понимать, отчего Малькольмовы предки проповедовали такую скучищу у себя дома, в Мак-Корклевилле. Что они могли знать о небе, когда они и видели-то его раз в году! Да что там небо! Тут даже самые высокие холмы не поднимаются выше тумана, в котором родились. А еще горы называются!

Женское остроумие редко бывает бескорыстно. Догадываясь, что мисс Элси пускает эти словесные фейерверки вовсе не беспредметно, консул обвел взглядом пассажиров. Предмет, достойного вида джентльмен, с интересом прислушивавшийся к разговору, располагался в дальнем конце противоположного сиденья. Это был человек еще молодой, сдержанный, по складу лица, по осанке и по одежде резко отличавшийся от остальных пассажиров, — ярко выраженный тип англичанина из высшего общества, завсегдатая клубов. В то время как наряд почти всех пассажиров говорил об их стремлении в той или иной мере учитывать местный колорит — так, один из туристов от самого Бирмингема ехал в клетчатой юбке, с голыми, незагоревшими коленками, и

даже на американке Элси был очаровательный шотландский берет, — человек этот всем своим костюмом, начиная от дорожной шапочки из твида и кончая безукоризненными гетрами и штиблетами, выделялся среди прочих как явный представитель Южной Англии. Раза два к нему обращались с вопросом, и тогда слышался его низкий, приятно ровный голос, но сам он ни словом не отвечал на задорные речи молодой девушки и лишь поглядывал на нее спокойно и сдержанно.

Карета проезжала по бурой лощине, в темной глубине которой бежал такой же бурый, разве что чуточку посветлее, ручей, пенившийся местами наподобие черного пива. По ту сторону лощины вздымался массивный холм. Его каменистый склон, с разбросанными повсюду пятнами чахлой растительности, напоминавшими пучки старой шерсти, удивительно походил на истлевшую шкуру како- го-то огромного допотопного чудовища. В самом безотрадном месте этого склона стояли развалины башни и обвалившиеся зубчатые стены.

— Дернуло же их построиться в таком месте! — воскликнула мисс Элси. — Будь они бедны, это еще можно понять. Но ведь тут жили важные

шишки, эти, как их… старинные вожди… Уму непостижимо — возвести замок в этой забытой богом глуши!

— А ведь знаете, по нашим, современным понятиям они и в самом деле были бедны и, мне кажется, строили свои замки не для того, чтобы пускать пыль в глаза, а скорее для защиты, вернее сказать, чтобы было где укрыть скот после набегов… Вот совсем как у вас в Техасе строят загоны для скота… По крайней мере так мне рассказывали. Я полагаю, именно так обстояло дело?

С этими словами англичанин обвел глазами пассажиров, как бы желая получить подтверждение со стороны самих шотландцев.

— После каких набегов? — с живостью подхватила мисс Элси. — А, понятно: пограничные набеги. Я страшно любила читать про них.

— Да нет, знаете ли, мне кажется, вы не совсем то имеете в виду, — медленно произнес англичанин. — Ведь отсюда до границы довольно далеко. Я говорю об их набегах на своих же соседей, они угоняли у них скот, проще говоря, воровали. Был у них такой обычай, в старые-то времена. Впрочем, обо всем этом вы уже, наверное, читали. Ведь вы, американцы, большие знатоки истории.

— Что ж, эти набеги нередко делались только

затем, чтобы отбить награбленное, — отозвался один из шотландцев.

— Ну, не думаю, чтобы они особенно разбирали, где свой скот, где чужой, — сказал англичанин.

Тут мисс Элси заговорила о замках вообще и выразила пожелание, чуть ли не заветную мечту своей жизни увидеть замок Макбета в Гламисе, где был убит король Дункан. На это англичанин все так же почтительно заметил, что едва ли убийство произошло именно там и что замок, о котором говорит Шекспир, если только он вообще не выдумал всю эту историю, расположен дальше к северу, в Кавдоре.

— А у вас в Америке, — весело добавил он, — недавно открыли, что и самого Шекспира-то тоже выдумали.

Это замечание вызвало ответный поток остроумия со стороны молодой девушки, и к тому времени, когда экипаж остановился на следующей станции, они настолько увлеклись беседой, что он имел полное основание пересесть к ней поближе. Разговор снова зашел о руинах, и мисс Керкби сказала, что они едут осматривать что-то такое на острове Келпи. По какому-то безотчетному побуждению, а быть может, просто памятуя о Кастере и его оригинальном подходе к делу,

консул сделал ей предостерегающий знак. Но англичанин лишь удивленно поднял брови, изобразив на лице нечто вроде иронического сожаления.

— Не думаю, чтобы вам там понравилось, — сказал он. — Место отвратительное — вода да камни, еще хуже, чем здесь, и вдобавок половину дней в году не видно материка, хотя он всего лишь в миле оттуда. Право, очень жаль, что вам навязали туда билеты… Это все устроители экскурсий стараются. Ну и мошенники! Иностранцу там совершенно нечего смотреть.

— Но ведь там развалины древнего замка, — сказала изумленная мисс Элси. — Вотчина рода…

Но тут консул посмотрел на нее таким красноречивым взглядом, что она прикусила язык.

— Кажется, что-то такое там действительно было… Что-то вроде того загона для краденого скота, мимо которого мы проезжали, — отвечал англичанин. — Только местные рыбаки давно уже растаскали камни и приспособили их для своих хижин, так что от стен ничего не осталось.

— Как они смели! — негодующе воскликнула молодая девушка. — Ведь это даже не просто святотатство — это воровство!

— Вот именно! Это же расхищение имущества,

это все равно что стащить у человека кошелек, — с томным протестом в голосе молвила миссис Керкби.

Столь бурное изъявление хозяйского негодования вызвало у консула улыбку, а ответ англичанина еще больше насмешил его.

— Видите ли, они лишь ограбили грабителей и распорядились добычей с гораздо большей пользой, чем бывшие хозяева, — во всяком случае, куда толковее, чем нынешние владельцы, потому что эти развалины все равно уж ни на что не годятся.

— Но священные воспоминания… живописность! — продолжала настаивать миссис Керкби с ленивым любопытством.

— Воспоминания, знаете ли, это только для семейства, и я не думаю, чтобы в них было что-либо священное или хотя бы приятное. А что до живописности, то, уверяю вас, развалины чудовищно безобразны. Время не покрыло их своей благородной патиной, а обглодало непогодой, и никаких, знаете ли, плющей, никакого мха — сплошная нагота. Ума не приложу, кто мог послать вас туда, ведь вы, американцы, всегда так разборчивы на всякие достопримечательности.

— Об этих развалинах нам говорил один наш

знакомый, — сказал консул с притворной небрежностью. — Возможно, они окажутся не лучше, но и не хуже любых других, и мы не пожалеем о своей поездке.

— По всей вероятности, ваш знакомый ошибся или его ввели в заблуждение, — вежливо отозвался англичанин. — Впрочем, вам может показаться все иначе, — прибавил он задумчиво, — в конце концов я не был там уже много лет... Я только хотел сказать, что можно было бы показать вам кое-что получше и в Глостершире, всего за несколько миль от моего дома, да и от железной дороги не так далеко. Если вам вдруг случится быть неподалеку от Одри-Эдж, — продолжал он с подкупающей обстоятельностью, благодаря которой все, что бы он ни говорил, даже самые банальные фразы, приобретало оттенок неподдельной учтивости, — и вы сочтете возможным заглянуть ко мне, я с удовольствием покажу наши диковинки вам и вашим друзьям.

Час спустя, когда он распрощался со всеми на железнодорожной станции, где их пути расходились, мисс Элси, крепившаяся изо всех сил, вновь обрела свою обычную говорливость.

— Нет, каково! Он даже не назвал нам своего имени, даже карточки не оставил! Интересно

знать, всегда у них в Англии так приглашают гостей? Как же, так мы и разбежались разыскивать его паршивый Одри-Эдж — небось, в честь жены имечко-то, Одри — да выяснять, кто он такой! Кажется, из вежливости можно было назвать нам свою фамилию, если он действительно всерьез приглашал.

— Уверяю вас, он говорил вполне серьезно и действительно пригласил вас в гости, — улыбаясь, ответил консул. — Одри-Эдж, вероятно, очень известное место, а сам он человек с именем. Поэтому он и не стал входить в подробности.

— Ну нет, вы меня туда не зазовете, — сказала мисс Элси.

— Разумеется, ваше дело — ехать или не ехать, — только и ответил консул.

Мисс Элси гордо тряхнула головой. Однако не успели они снова тронуться в путь, как она объявила ему: кто то из пассажиров слышал, как станционный смотритель, разговаривая с незнакомцем, величал его милордом, а другой пассажир сказал, что это был не кто иной, как «сам лорд Данкастер».

— Вот и выходит…

— …что я права, — решительно отвечала молодая девушка. — Он приглашал нас только ради

приличия.

Солнце уже село, когда они подкатили к живописной благоустроенной гостинице, которая высилась над рыбачьим поселком, расположенным напротив острова Келпи. Гостиница являла разительный контраст кривой и узкой улочке, уставленной унылыми и неуютными каменными лачугами; щеголеватые туристы, только что высадившиеся с парохода, являли не меньший контраст темнолицым, грубо одетым жителям поселка, которые однако поглядывали на них иронически — независимо, в сознании своей высшей правоты перед богом. Шествие вновь прибывших по главной улице, — вернее сказать, проложенной прямо по берегу дороге, — с носильщиками позади, катившими в низких тачках дорожный багаж, сильно отдавало похоронной процессией; мрачные лица зевак довершали сходство. Вдали, в свете долгих северных сумерек, оловянно блестел залив, обведенный неизменной траурной каймой шотландского приморского пейзажа. Над холодным морем низко висели гряды облаков, очертаний острова не было видно.

.. Интерьер гостиницы, щеголявшей последними ухищрениями мебельно — декоративного искусства, цветисто расписанной и увешанной

веселенькими картинами, словно бросал вызов угрюмому пейзажу и голым скалам, среди которых она стояла. Однако попытка разбить сад на бесплодной земле потерпела неудачу: вазоны для цветов стояли пустые, статуи почернели, а железные скамьи были на ощупь такие же скользкие и холодные, как борта парохода.

— Завтра утром погода разгуляется, и на Келпи пойдет лодка, в развалинах будет пикник, — сказал портье консулу и его спутницам, когда они, стоя у окна в веселом холле гостиницы, скептически взирали на открывшийся им вид.

Пикник в священных руинах Келпи… Консул заметил, как гневно вскинули головы обе дамы, услышав о таком дерзком посягательстве на права и привилегии, которые они при желании могли бы получить в свое полное обладание, и взглядом призвал их к осторожности.

— Уж не хотите ли вы сказать, что развалины Келпи — общественное достояние и туда может ездить всякий, кто вздумает? — высокомерно спросила мисс Элси.

— Нет, только наша гостиница имеет право держать лодку для перевоза и продавать билеты — по полкроны с человека.

— И что же, хозяева Мак-Гулиши… дозволяют

это?

Портье озадаченно, почти с вежливым сожалением взглянул на них. Это был красивый, высокий, широкоплечий юноша с какой-то особой, подкупающе простодушной обходительностью в манерах, скрадывавшей его сильнейший акцент.

— Ну конечно! — одобрительно улыбаясь, ответил он. — От них вам беспокойства не будет. Я схожу сейчас за билетами.

Когда он ушел, какой-то пожилой человек, изучавший расписание на стене, повернулся к ним и, неторопливо связывая слова, проговорил:

— Вы, должно быть, не здешние, не знаете, что Дональд, портье-то, сам из Мак-Гулишей.

— Что такое? — изумленно воскликнула мисс Элси, у — Мак-Гулиш он, да, этого самого корня. Прямой потомок тех самых Мак-Гулишей, что жили на Келпи. Славный парень, да и для гостиницы прямо находка.

Мисс Элси чуть не прыснула со смеху и прикрыла лицо платком, а ее мать с тревогой спросила:

— Неужели их семья так бедна?

— А я и не говорю, что он беден, сударыня, — ответил незнакомец с провинциальной осторожностью. — Тут тебе чаевые, да бесплатный харч, да проценты с билетов… У него, поди, немало уж

в банке-то лежит.

Предсказание Дональда Мак-Гулиша насчет погоды сбылось. Утро выдалось ясное, солнечное, и в назначенный час лодка, следующая к острову Келпи, — это был большой ял, — наполнилась пассажирами и корзинами со съестным. К этому времени обе дамы как будто свыклись с мыслью о том, что на развалинах замка будут пировать искатели удовольствий, а мисс Элси даже перестала трунить по поводу того, «какой родственничек» был им уготован в лице Дональда Мак-Гулиша.

— Сегодня утром, до завтрака, я долго с ним разговаривала, — весело щебетала она, — и теперь все про него знаю. Похоже, их целые сотни, этих Мак-Гулишей, — и тут, на берегу, и в других местах… Только никто из них не жил на острове и не собирается жить. Но вот Дональд куда больше похож на «лэрда» и вождя клана, чем Малькольм, и если уж придется выбирать главу семьи, я, мамочка, обеими руками проголосую за него. Ты поняла?

— Ну, как же так можно, Элси! — с томным упреком одергивала ее миссис Керкби. — Надеюсь, ты ничего не рассказала ему про синдикат? Слава богу, поместье- то хоть не здесь.

— Нет, не здесь. Официант говорил, все те вкус-

ные вещи, которые нам подавали за завтраком, привозят за много миль отсюда. Взгляни-ка на остров, на нем, наверно, вообще никогда ничего не выращивали. Подумать только, ради чашки молока к завтраку тут надо отправляться за три мили по морю!

И действительно, на бесплодных скалах, которые начали вырастать из холодных волн впереди, почти не было никакой растительности, и лишь несколько чахлых деревцев и кустов, узловатых и перекрученных наподобие виноградных лоз, льнули к квадратной башне и обвалившимся стенам угловатого, неправильной формы здания и казались частью развалин в их мрачной тени.

— Ни дать ни взять погоревшая костоварка, — язвительно заметила мисс Элси. — Вот не удивлюсь, если узнаю, что предки Мак-Гулишей были великими мастерами по этой части. Заведи они такую штуку на материке, их живо потурили бы оттуда за нарушение общественного порядка.

Тем не менее как только ял вошел в маленькую бухту и заскреб носом по каменистому дну, она одна из первых выпрыгнула на берег и в своих хорошеньких, но не совсем подходящих к случаю туфельках пошла по водорослям, сырому песку и скользким камням, проявляя героизм, за который

ей легко можно было простить ее тщеславие. Несколько минут все карабкались по круче и наконец очутились перед проломом в стене, дававшим доступ в развалины. Их внутренняя часть представляла собой неглубокую впадину с размытыми временем очертаниями фундамента. Во впадине зеленела трава, обязанная своим существованием бурым стенам, которые укрывали ее от налетающих с Атлантики шквалов, подобно тому как скалы на материке защищают от ветров растительность долин. Среди камней прозябало несколько цветочков, до того бледных и чахлых, что казалось, они выросли в темном сыром подвале. С первого взгляда эта картина как будто оживлялась обрывками газет, бутылками из-под пива и содовой воды, пестрыми консервными банками и стреляными гильзами, — остатками пикников и охотничьих пирушек на сыром, пронизывающем ветру; но стены от разъедающего действия времени и непогоды не то чтобы приобрели благородно-древний вид, а просто почернели, так что консулу поневоле вспомнилось образное высказывание мисс Элси относительно «погоревшей костоварки». Вид с башни, служившей гнездилищем нечистоплотных морских птиц и со всех сторон, словно лохмотьями,

увешанной клочьями отслаивающегося мха и вьющихся растений, был не менее безотраден: на берегу стояла кучка рыбацких хижин — они были построены из камней, взятых с развалин, и крыты досками, разбухшими от сырости и дошедшими до последних степеней разложения. Из низких труб валил густой дым; проплывая мимо руин, он наполнял их запахом тлеющего торфа и коптящейся рыбы.

— Мне показывали план замка, — радостно возгласила мисс Элси. — В нем не было ни одной комнаты просторнее нашего номера в гостинице, и не в каждой комнате были окна. Малькольмовым предкам казалось, что если оставить в стене щель дюйма в два шириной и фута в два высотой, то это уже чудовищная роскошь! Не удивительно, что некоторые из них вырывались из этой темницы и уплывали в Америку. Да, кстати! Как вы думаете, с кем я сейчас встретилась? Приехал от гостиницы на своей лодке только затем, чтобы повидаться с мамой.

— Уж, конечно, не с Малькольмом.

— Вот еще! — ответила мисс Элси и своенравно поджала губки. — С мистером Кастером, вот с кем! Он сейчас там, на берегу, толкует о чем-то с мамой. Они придут к завтраку.

Консул вспомнил романтический план, который Кастер восторженно излагал ему в сумраке консульской резиденции в Сент-Кентигерне, и улыбнулся при мысли о скучных туристах, тупых взглядах рыбаков и прозаических руинах вокруг. Подняв глаза, он увидел, что мисс Элси пристально смотрит на него.

— Вы ведь знакомы с мистером Кастером?

— Мы с ним старые друзья еще по Калифорнии.

— Я так и думала. Странно… Мне кажется, он как будто смешался, когда узнал, что вы здесь.

Он и впрямь был чуточку смущен, словно чем-то сконфужен, когда несколько минут спустя присоединился к ним вместе с миссис Керкби. Но в конце концов ядреный, разымчивый морской воздух взял верх над некоторой неловкостью обстоятельств и неприглядностью окружающей обстановки, и вскоре вся компания со здоровым аппетитом путешественников отдавала должное превосходно составленному завтраку. Было сыро и промозгло, скатерти и салфетки раздрябли, и даже провизия была тронута сыростью; разыгравшийся ветер свистел в руинах и взметал вокруг сотрапезников миниатюрные вихри из клочков бумаги и сухих веток. Но они знай себе ели и

пили в свое удовольствие. После еды мужчины встали, отошли к стене и закурили сигары.

— Ты, наверное, все знаешь о Малькольме? — спросил Кастер после неловкого молчания.

— Нет, мой друг, — несколько раздраженно ответил консул, — я о нем ровно ничего не знаю, пора бы, кажется, это понять.

— Я думал, твой приятель, сэр Джемс, рассказал тебе, — многозначительно разделяя слова, продолжал Кастер.

— Я уже целых два месяца не виделся с сэром Джемсом.

— Ну так я скажу тебе: Малькольм того… То бишь, он и всегда был того, а теперь и вовсе свихнулся. Такие вот дела… Шотландское виски и твой приятель сэр Джемс окончательно доконали его. С того самого обеда у Мак- Фе он точно с цепи сорвался… Вскочил там на стол и ну откалывать танец с мечом — стрэтспей или черт его знает, как он еще называется, и верещал при этом, что твоя волынка. А остальные за ним… Знаешь, Джек, я и сам умел раньше пускать дым коромыслом. Казалось бы, уж кому, как не мне, знать, что значит гулять напропалую, но все наши кутежи — просто молитвенные собрания по сравнению с тем, что они вытворяли. Нахлестались до умопо-

мрачения, но потом-то все прочухались, а вот он — нет. На другой день все были люди как люди, такие же трезвые и благоразумные, как обычно, а его пришлось целую неделю продержать взаперти, и из-под замка он вышел не в своем уме.

— Но ведь это ничему не помешало, и дело шло своим чередом?

— Видишь ли, мало толку «воодушевлять» клан, когда только он один и воодушевляется.

— Все равно это никак не сказывается на его законных правах.

— Зато сказывается на синдикате, — мрачно проговорил Кастер. — Короче, он стал «воодушевлять» каких-то лавочников и фабричных рабочих, будто бы тоже из клана — а надо сказать, Этих самых Мак-Гулишей тут как собак нерезаных, — и, когда мы это увидели, нам стало ясно, что для мебели он нам уже не годится. Ну, мы и сплавили его домой с последним пароходом…

— А что же с поместьем?

— Тут полный порядок, — все так же мрачно отвечал Кастер. — Мы пошли на полюбовную, как выразился сэр Джемс. Короче, получили кусок земли где-то на севере с правом стрелять сколько хочешь — это, значит, там уж не бойся, что в кого-нибудь попадешь: ни тебе домов, ни людей, ни

деревьев. Еще досталась нам полоска земли в том же роде, но уже на берегу моря, где-то в здешних местах. Там живут какие-то пентюхи, эти, как их… ну, арендаторы, что ли, и с ними что ни шаг, то крик и тяжба. Ну и, наконец, вот это тихое богоспасаемое местечко с остатками костоварки, с правом ловить рыбу, жечь торф и вообще делать все, чего не дозволяется в приличных местах. Эти угодья обошлись синдикату всего в сто тысяч долларов, наполовину чистоганом, наполовину лугами и пастбищами в Техасе и Кентукки. Но зато мы выиграли дело.

— С чем вас и поздравляю, — сказал консул.

— Спасибо. — Кастер затянулся сигарой и некоторое время молчал. — А этот сэр Джемс, должно быть, парень хоть куда.

— Уж это так.

— Большого, разностороннего ума человек. Знает всех и вся, так ведь?

— Как будто так.

— Ив церковных делах, наверное, вес имеет, и на выборах или там в городском магистрате промаху не даст. А уж во всяких там правлениях везде первый, везде директор, везде президент.

— Похоже, что так.

— Небось, он тебе и суды судит и спорщиков

разводит, словом, повсюду ему честь да место. А что до финансистов, так те перед ним на задних лапках ходят. У него теперь, поди, чуть ли не пол — Шотландии в руках.

Консул подтвердил, что сэр Джемс слывет человеком весьма опытным в финансовых и коммерческих делах и состояние имеет немалое.

— Ну еще бы! Я вот все думаю, дорого ли он возьмет, чтобы приехать к нам в Штаты и научить уму-разуму наших молодцов? — с мечтательно — восторженным выражением на лице продолжал Кастер. — Были у нас на Скоттс-Ривер двое — трое да еще китаец один, которых мы считали первостатейными пройдами, — так по сравнению с ним они просто несмышленыши. А уж я-то, я-то… Послушай, Джек, в тот день, когда я заходил к тебе в консульство, ты не заметил у меня в волосах сенной трухи?

Консул, смеясь, отвечал, что никаких таких признаков сельской простоты он тогда не заметил.

— И пыли на ушах тоже не было? Ну да ладно, так ли, сяк ли, вернусь домой — сложу с себя все полномочия. Хватит с меня заграничных капиталовложений. А если кто явится к тебе в консульство и спросит о Гарри Кастере, говори,

что ты такого не знаешь. Говори со спокойной совестью. И еще вот что, Джек, не в службу, а в дружбу: попытайся оправдать меня перед ней.

— Перед мисс Элси?

Кастер с глубоким сожалением посмотрел на консула.

— Нет. Перед миссис Керкби, разумеется. Понял?

Консулу показалось, что он «понял» и наконец-то постиг смысл странной спекуляции, затеянной Кастером. Но, подобно большинству теоретиков, строящих свои умозаключения на основании единичного факта, несколько месяцев спустя ему пришлось усомниться в правильности своей догадки.

Он гостил в одном большом загородном имении, за много миль от тех мест, где произошли только что описанные события, и уже успел порядком о них позабыть, так как его соотечественники окончательно покинули Сент-Кентигерн. Был поздний вечер. Он курил в бильярдной у камина, когда к нему подошел какой-то человек.

— Я вижу, вы не узнали меня за обедом?

Голос был неуверенный, приятный и как будто знакомый. Консул поднял глаза. Перед ним стоял один из прибывших в тот день гостей. Их едва

представили друг другу — таков был стиль этого дома, в котором царила самая непринужденная, естественная атмосфера, — и при встрече они успели обменяться лишь ничего не значащими улыбками. Однако консулу вспомнилось, что за обедом незнакомец раза два взглянул на него подкупающе застенчивым взглядом.

— Должно быть, вам приходится видеть столько людей, и, как это у нас в обычае, все до того на одно лицо, все держатся до того одинаково, что нет никакой возможности отличить одного от другого. Ужасно скучно, не так ли? Вы, американцы, совсем другое дело, вот почему ваши соотечественницы и были так обворожительны, знаете ли, так оригинальны. Помните, мы ехали с вами в одной почтовой карете, в Шотландии? Дождь был отвратительный, но мы так весело скоротали время. Вы не расслышали моего имени. Данкастер.

При этих словах консул тотчас вспомнил и узнал своего давнишнего попутчика. Они пожали друг другу руки. Англичанин достал трубку и придвинул кресло поближе к камину.

— Да, — продолжал он, неторопливо набивая трубку, — младшая мисс Керкби — удивительно приятная особа. Такая свежая, такая, знаете

ли, естественная и непосредственная, и в то же время бойкая такая, остроумная. Помните, как она разделала перед шотландцами шотландские виды? И ведь совершенно справедливо! Она не приехала сюда вместе с вами?

В глазах англичанина было столько неожиданной искренности, что консул чистосердечно выразил ему свое сожаление по поводу того, что обе дамы вернулись в Париж.

— А я бы с удовольствием прокатил их отсюда в Одри-Эдж. По железной дороге это недалеко. Тогда, в Шотландии, я приглашал их, но у них, наверное, было что-нибудь более интересное на примете… Если вам случится им написать, вы им скажите, однако, что у меня там сестры, что поместье это старинное и далеко не захудалое, знаете ли. А то я и сам напишу, если вы дадите мне их адрес.

Консул так и сделал, присовокупив к адресу несколько приятных подробностей относительно их положения и состояния, о которых он знал от Кастера, но опустив все, что касается синдиката. Лорд Данкастер слушал его с неослабным интересом и затем почти доверительно сказал:

— Я полагаю, по делам службы вам приходится видеть немало своих соотечественников, и, надо

думать, среди них встречаются натуры не менее разнообразные, чем среди нас, англичан. Это само собой разумеется. Иные, наверно, довольно честолюбивы и хлопочут о видном положении, почестях и прочих вещах в том же духе, другие же, как эти вот ваши знакомые, предпочитают ни от кого не зависеть и оставаться самими собой.

Он сделал паузу, неторопливо затянулся трубкой и, улыбнувшись, продолжал:

— Мне хотелось бы рассказать вам об одном странном деле, которое я недавно имел с вашими земляками. Не то чтобы оно выставляло американцев в дурном свете, я вообще не считаю, что оно характерно для американцев, так что, надеюсь, вы не будете на меня в обиде. Так вот, были у меня в Шотландии кое — какие угодья, прямо сказать, довольно неважные, но, можете себе представить, нашлись американцы, которые заявили на них права под предлогом какого-то отдаленного родства. Возможно, их претензия была отчасти обоснованна, но лишь отчасти. Мой поверенный в делах, очень умный и толковый человек — вы, может быть, о нем слыхали, это сэр Джемс Мак-Фе, он живет в одном с вами городе, — так вот, он написал мне, что от нас хотят лишь каких- то родовых земель со всеми привилегиями

и правом носить родовое имя. Самое странное во всей этой истории то, что истец оказался совершенно ненормальным субъектом, а дело вели за него очень толковые люди из западных штатов, и, вообразите, целый синдикат! Я-то за эти земли не очень держался, мне от них был сплошной убыток, что ни год расходы на поддержание да судебные издержки, и вот сэр Джемс, светлая голова и большой дока по этой части, возьми да и намекни, что можно предложить им полюбовную сделку и сбыть эти угодья за приличную цену. И можете себе представить, ему это удалось! Но я ума не приложу, зачем все это вашим землякам. Охота в тех краях гораздо хуже, чем у вас на родине, а привилегии ничего не дают.

— Я, кажется, слышал про это дело, — сказал консул, с интересом присматриваясь к собеседнику. — Но, насколько мне помнится, тот молодой человек считал себя единственным законным наследником и представителем рода.

Англичанин встал, наклонился к каминной решетке и тщательно выколотил трубку.

— Этого просто не может быть, — сказал он и, стоя перед огнем — лицом, фигурой и всем своим непринужденным спокойствием более чем когда-либо похожий на англичанина, — продолжал:

— Видите ли, титул лорда Данкастера перешел ко мне от моего дяди, но сам-то я прямой и единственный наследник древнего шотландского рода и всех его владений. Возможно, я и непохож на шотландца, ведь мы давно уже живем в Англии, но… — заключил он, в типично английской манере растягивая слова — …я, собственно говоря, и есть тот самый Мак-Гулиш, глава рода.